

Воспоминания маршала Мармона, герцога Рагузского, о наполеоновских походах — один из источников романа Л.Н.Толстого «Война и мир» (по материалам личной библиотеки Л. Н. Толстого в Ясной Поляне)*

Среди многочисленных французских источников романа Л.Н.Толстого «Война и мир» значительное место занимают «Воспоминания» маршала Мармона, герцога Рагузского.

«Мемуары» Мармона составляют девять томов, охватывают период с 1792 по 1841 г. Изданы в Париже в 1857 г. уже после смерти автора.

Все девять томов до сих пор хранятся в домашней библиотеке Л.Н.Толстого и Ясной Поляне, в них и сейчас можно найти следы его чтения. Судя по пометам, «Мемуары» маршала Мармона явились одним из важнейших источников работы Толстого над романом, когда писатель вынашивал мысль свести Наполеона с высоты пьедестала, развенчать и представить его как ничтожного и самолюбивого человека.

Мармон не был с Наполеоном в России в 1812 г., но его участие вместе с ним в осаде Тулона, походах в Италию и Египет, а потом в войне 1805-1806 гг., наконец, в кампании 1813-1814 гг., о чем он так живо поведал в своих воспоминаниях, дали Толстому богатый материал для характеристики Наполеона, его окружения и подсказали отдельные детали при описании Аустерлицкого сражения, рассказа о захвате Таборского моста и других моментах, отраженных в романе.

В дневниках Толстого за март 1865 г. имеются прямые указания на чтение писателем мемуаров герцога Рагузского (48. 60-62)ⁱ.

В романе «Война и мир» есть единственное упоминание о печальном результате сражения французских войск под началом Мармона при Саламанке. Это известие сообщает Наполеону на кануне Бородинского сражения полковник Фабье, прибывший из Мадрида в Россию.

Об этом сочинении очень одобрительно отзывался еще Герцен в статье «Западные книги»: «Из записок особенно замечательны последние тома «Мемуаров» маршала Мармона, испортивших много корсиканской крови в бонапартовской семье. Иначе и быть не могло: пучки лавровых венков развязал герцог Рагузский, что бы наделать из них простые розги. С каждым годом все больше падает prestige солдатской империи, и отяжелевший Наполеон, заменяющий упорными капризами тухнувший гений, окруженный своим кондотьерами в герцогских мантиях, готовыми предать его, как предали ему республику, являются совсем иными в записках Мармона, нежели в песнях Беранже и литографиях времён Карла X»ⁱⁱ.

Как и в первых, так и в последних томах мемуаров мы находим массу помет Толстого, где автор воспоминаний говорит о том, как меняется Наполеон, поднимаясь по социальной лестнице. В этом отношении особенно интересны пятый и шестой тома, о которых пойдет речь. Они касаются 1813-1814 гг. наполеоновской кампании, дают писателю возможность говорить о личности императора, его окружении применительно ко времени действия романа.

Провозгласив себя императором Франции, Наполеон стал ощущать себя личностью, способною изменять ход истории и влиять на судьбы людей, он старался в своих движениях, жестах походить на античных героев, которые были его идеалом, и очень сожалел, что родился слишком поздно, когда нельзя уже провозгласить себя сыном Бога и заставить людей поверить в свое нечеловеческое происхождение.

О преувеличении своего значения Наполеоном свидетельствует страница в пятом томе мемуаров, отмеченная дважды Толстым с помощью отчеркивания на полях одного из высказываний императора и загнутого вдвое нижнего уголка. Судя по оставленным пятнам на ней, она неоднократно перечитывалась Толстым, и, что более всего интересно, отдельные детали ее были использованы им в романе «Война и мир».

«Я оставался в Дрездене до 12 включительно (сентября 1813 г. — *И.Г.*), — писал Мармон. — Во время моего пребывания я много раз видел Наполеона.

В ночь с 12 на 13 я провел не менее трех часов с ним в беседе о кампании. Он охотно делился своими планами и анализировал происходящие события. Он не был спокоен, говоря об их исходе, хотя и делал вид, что уверен в нем. Он жаловался на своих заместителей и был прав. Но почему он разъединил свои силы и построил свой план кампании таким образом, что был вынужден доверить главные посты командования на большой дистанции от себя людям, не способным справиться с этим?.. И если неудача плана безвыходной кампании и плохого подбора и привели к современным бедствиям, то кто же в этом виноват? Я высказал ему эту мысль сдержанно и осторожно, но он еще не осмыслил своих заблуждений в то время, когда можно было исправить свои ошибки. Он мне сказал, что возможно меняется театр военных действий, он резко будет отнесен назад, что враги попытаются, конечно, перейти Эльбу с двумя объединенными армиями из Силезии и с Севера, что тогда надо будет маневрировать так, чтобы помешать их соединению с большой армией, что необходимо очистить эти территории от войск, которые зашли далеко и угрожали нашим укреплениям и коммуникациям, и что тогда я начну свой марш. Наконец, когда я покидал его, он сказал эти точные слова: «Все спуталось на шахматной доске. И только я один смогу на ней разобраться». Увы! Именно ему и предстояло заблудиться в этом лабиринте»ⁱⁱⁱ.

В работе «Сущность военных учреждений» - единственной, переведенной на русский язык, маршал Мармон так объясняет сравнение Наполеоном поля сражения с шахматной доской: «Всякая значительная армия состоит из нескольких колонн; разделены они это необходимо для большого удобства в продовольствии и движении. Надобно наблюдать, чтобы части войск, наиболее отдаленные от прочих, всегда вовремя поспевали на поле сражения, смотря потому, составляют ли они часть боевых линий или должны находиться в резерве. Цель стратегии - рассчитывать движения для наивозможно скорейшего соединения всех войск на каком-нибудь пункте, иногда в центре, иногда на одном из флангов. Такое предназначение движений Наполеон называл своей шахматной доской (*échiquier*)»^{iv}.

В этой книге масса помет, похожих на толстовские, в виде длинных дугообразных отчеркиваний на полях.

Сравнение военных действий с шахматной игрой Толстой неоднократно упоминает на страницах «Войны и мира». Накануне Бородинского боя, «вернувшись после второй озабоченной поездки по линии, Наполеон сказал: "Шахматы поставлены, игра начнется завтра"» (11. 221).

С шахматной игрой сравнивают войну и вымышленные персонажи романа Пьер Безухов и Андрей Болконский в ночь накануне Бородина.

«Однако, — сказал он (Пьер. — *И. Г.*), — ведь говорят же, что война подобна шахматной игре. — Да, — сказал Андрей, — только с той маленькою разницею, что в шахматах над каждым шагом ты можешь думать сколько угодно, что ты вне условий времени, и еще с той разницею, что конь всегда сильнее пешки, а две пешки всегда сильнее одной, а на войне один батальон иногда сильнее дивизии, а иногда слабее роты. Относительная сила войск никому не может быть известна» (11. 205-206).

На утро 26 августа «Наполеон подъехал со свитой к Шевардинскому редуту и слез с лошади. — Игра началась!..» (11. 224).

В разгар Бородинского сражения на просьбу присланного Мюратом адъютанта о подкреплении Наполеон ответил: «Скажите Неаполитанскому королю, что теперь еще не полдень и что я еще не ясно вижу на своей шахматной доске...» (11. 240). И далее: «Все просили подкреплений, все говорили, что русские держатся на своих местах... Наполеон испытывал тяжелое чувство, подобное тому, которое испытывает счастливый игрок, безумно кидавший свои деньги, всегда выигравший и вдруг, именно тогда, когда он рассчитывал на случайности игры, чувствующий, что чем более обдуман его ход, тем вернее он проигрывает» (11. 241-242).

Последнее как нельзя лучше соответствует выделенным Толстым словам Наполеона в «Мемуарах» Мармона. Возможно, именно они и навели писателя на мысль ввести в роман сравнение сражения с шахматной игрой, в которой даже самый опытный игрок способен допустить оплошность и оступиться, словно заблудиться в «лабиринте», куда он сам себя завлек.

Толстой упоминает это сравнение Наполеоном плана сражений с шахматной

доской, читая далее «Мемуары» маршала Мармона. В следующем, шестом томе, где рассказ идет о военных действиях близ Парижа и Наполеоне, склонившемся над картой и отмечающем на ней циркулем направления движения войск, Толстой пишет на полях: «*Шахматы никогда не обманут*»^v (как бы передавая мысли императора, его убежденность в том, что он найдет выход из создавшегося положения, стоя уже на краю пропасти и все еще не замечая ее).

Предвещая крах Наполеона при его вступлении в Россию, после захвата Смоленска и движении французов ближе к Москве, писатель отмечает в романе насколько поверхностно выглядит сравнение военной кампании с шахматной игрой: «Здесь кроме закона ретроспективности, представляющего все прошедшее приготовлением к совершающемуся факту, есть еще взаимность, путающая все дело. Хороший игрок, проигравший в шахматы, искренно убежден, что его проигрыш произошел от его ошибки, и он отыскивает эту ошибку в начале своей игры, но забывает, что в каждом его шаге, в продолжение всей игры, были такие же ошибки, что ни один его ход не был совершен. Ошибка, на которую он обращает внимание, заметна ему только потому, что противник воспользовался ею. Насколько же сложнее этого игра войны, происходящая в известных условиях времени, где ни одна воля руководит безжизненными машинами, а где все вытекает из бесчисленного столкновения различных произволов» (11. 130-131).

В своих воспоминаниях Мармон останавливается на описании окружающих Наполеона лиц, большинство из которых своей лестью и раболепием немало способствовали в нем усилению честолюбивых чувств. Он говорит, что Наполеон очень любил лесть, хотя она губительно сказывалась и на его жизни, и на его решениях как главнокомандующего. Зная эту особенность его характера, редкие офицеры позволяли себе давать советы, которые расходились бы с его мнениями.

Упоминая о гибели Дюрока, одного из талантливых адъютантов Наполеона, Мармон говорит о том, что это был один из тех редких офицеров, чьи советы Наполеон все-таки слушал. «Очень полезный Императору, он умел создавать ему друзей. Его мнения, всегда мудрые, позволили ему выработать в себе некоторую независимость, хотя он и боялся Наполеона. Если бы он дожил до перемирия 1813 года, возможно, он сумел бы дать Наполеону почувствовать все трудности, которые могли бы быть у нас при возобновлении военных действий. Но после потери его возле Наполеона оставались лишь только льстецы, советы которых он любил слушать»^{vi}.

«Тот, кто был приближен к нему в этот период, мог убедиться в том, насколько Наполеон позволил себя втянуть в бездну страстей, которые затмили в нем все другие черты его характера. Если бы не амбиции и страх потерять достигнутое, он мог бы обдумать и взвесить все сначала, что после огромной потери людей и призыва совсем молодых солдат нельзя было продолжать войну, армия могла бы растаять подобно весеннему снегу.

В последние годы своего правления он предпочитал больше терять, чем уступать. В этом его характер испытывал значительные изменения. Это не был уже молодой генерал Италии, который умел отказаться от надежды немедленного взятия Мантуи, который мог безропотно смириться с потерей 150 осадных пушек, чтобы выиграть сражение, и, выиграв, идти дальше для осуществления своих планов.

Если бы в 1813 г. он заключил бы мир (он мог бы это сделать с честью после своих побед под Лютценом и Ботценом), сохраняя за собой большие преимущества, он этим мог удовлетворить общественное мнение Франции,

Он мог вознаградить страну теми усилиями, которые он сделал, чтобы удержать ее. Он позволил бы созреть армии, если можно так выразиться, и после 2—3 лет, если бы он хотел, он мог бы возобновить войну средствами более полными и значительными, чем прежде, но страсть увлекла его. Его высший разум бесспорно указал ему тогда преимущества тактики выжидания, но внутренний огонь сжигал его, слепой инстинкт увлекал его не сколько раз даже тогда, когда это было очевидно. Этот инстинкт говорил громче, чем разум, он командовал им.

Впрочем, у него был в это время пагубным советник, который одобрял его страсти, соглашался со всеми его заблуждениями и даже делал их более пагубными.

Герцог де Басано, человек заурядный и тщеславный, в сущности, льстец, безгранично клялся в преданности и поклонении своему хозяину. Он достиг в этом

больших успехов и кичился этим. Он изучал его желания, чтобы возвести их в закон, он подчинил свой ум и красноречие для защиты дел, которые Наполеон сам же осудил.

Это было средство понравиться ему и заслужить к себе хорошее отношение. Но ценой его успехов должна быть потеря своего идола. Он без конца повторял в это время Наполеону эти слова: "Европа с нетерпением ждет услышать, что император пожертвовал Данцигом".

Желание и надежда сохранить этот город, также как и чувство гордости, противостоящее всякого рода жертве, только подогревались подобными речами. Все это и способствовало возобновлению войны и привело к падению Наполеона и краху Империи»^{vii}.

Как заключение к этой главе «Мемуаров» звучат слова Толстого в романе «Война и мир»: «Нет поступка, нет злодеяния, которого бы он совершил и который тотчас в устах его окружающих не отразился для того, чтобы лишить его последней силы разума... Не столько сам Наполеон готовится для исполнения своей роли, сколько все окружающее готовит его к принятию на себя всей ответственности того, что совершается и имеет совершиться» (12. 243).

Как показывают следы чтения Толстого на страницах «Воспоминаний» Мармона, его особое внимание привлекли главы, где речь идет о последних усилиях Наполеона собрать остатки французской армии и спасти свой трон.

«Невзгоды 1813 года привели нас на Рейн, - писал Мармон. — О столь удивительном воскресении французской армии в начале года, о развитии столь чудесных сил, предпринятым во время перемирия, остались лишь воспоминания. Все погибло или исчезло. Гарнизоны, оставшиеся на Эльбе и Висле, потери, понесенные в многочисленных сражениях, бедствия Лейпцига, наконец, все возрастающая нищета превратили ее и собственную тень. Отступление представляет зрелище, похожее на бегство из России. От шестидесяти тысяч человек, достигших Рейна, с трудом можно было насчитать сорок тысяч под ружьем.

В таком ужасном состоянии армия прибыла в Майнсе... Но это было прелюдией новых несчастий...

Наполеон оставался в Майнсе до 7 ноября. Во время этого пребывания он принял необходимые меры для охраны границы, распределил командование... приступил к реорганизации армии, которая, кроме четвертого корпуса и старой гвардии, существовала только номинально.

Я проводил почти целые дни с ним. Мрачный и молчаливый он возлагал свои надежды на отсрочки и склонялся к мысли, что враг не предпримет против нас зимней кампании.

Он рассчитывал, что сможет располагать шестью месяцами, добиться создания новой армии, довольно многочисленной, что бы успешно отстоять свою священную территорию (так он называл французскую землю)...

Когда Наполеон был наедине с кем-нибудь, он убедительно говорил о своем трудном положении, но потом в конце разговора старался настроиться на надежду. Когда было нас несколько человек возле него, его язык был полон надежд на будущее, в нем звучали гордость и решительность, наш же язык был постоянно один и тот же и основывался на глубоком убеждении, что мы накануне катастрофы... Мы старались любой ценой подвести его к заключению мира.

У Императора в руках было много городов в Германии Польше. Враг понес большие потери. Франция без колебаний могла бы присоединиться к интересам Наполеона, когда увидел бы свою свободу и вновь бы обрела свою поруганную честь. Эти соображения должны были иметь силу в глазах монархов. Это было возможно и действительно осуществимо, когда они были не далеки от того, чтобы закончить борьбу, и мы тоже так думали, что необходимо жадно ухватиться за первый же случай для прямых переговоров и заключения немедленного мира. Но это не входило в расчеты Наполеона, он все еще лелеял себя тщеславными надеждами на свои публичные выступления.

Вечером 4 или 5 ноября мы много спорили о возможных проектах врага.

Я сказал, что он быстро поднимется по Рейну с большой партией войск, перейдет швейцарскую территорию и пересечет Рейн в Бале. Этот расчет основывался на необходимости иметь где-то мост в укрытии от льдов в течение зимы. Император

разволновался и сказал: «Ну, и что он сделает дальше?» — «Он пойдет на Париж», — ответил я. «Но это безумный проект», — заметил император. (Это замечание Наполеона было подчеркнуто Толстым. — И.Г.) «Нет, Сир, так как где же есть препятствие, которое может ему помешать пройти здесь?»

Тут Наполеон начал браниться и жаловаться на недостаток доблести командующих, конечно, он был не прав, потому что во все времена эта доблесть, этот священный огонь, который он называл, не прекращал гореть во мне до окончания катастрофы.

Воцарилась полнейшая тишина среди слушателей, одобряящая то, что я только что высказал. Император хотел выпросить похвалу в награду одной лести и вдруг, повернувшись к Друо и толкнув его в грудь, сказал ему: "Мне бы надо сотню таких мо лодцов, как этот!" Друо, человек умный и честный, отклонив этот комплимент с великолепным тактом и с серьезным выражением, которое придало особенный вес его словам, ответил: "Нет, Сир, Вы ошибаетесь: Вам нужна не сотня, а сто тысяч"^{viii}.

Страница отмечена Толстым загнутым нижним уголком и над писью на полях: «*Свержен кумир, но думает <неразборчиво>*». И после нескольких стертых от времени слов — снова рукой Толсто го: «*Сумасшествие начинает проходить*». То же слово «*сумасшие ствие*» мы находим на полях пятнадцатой страницы того же тома, где речь идет об отступлении французской армии с берегов Рейна в начале 1814г.: «Таким образом, 26 января — день прибытия Наполеона в Витри... Тотчас после его прибытия я был вызван к нему. *Монитор* сообщил о формировании лагеря в Шалоне. Я ему сказал о подкреплении, которое, бесспорно, к нам придет. Напо леон мне ответил: "Никого в Шалоне нет, ни одного человека. — Но тогда с кем же Вы думаете драться? — Мы попытаем счастья и будем драться с тем, что у нас есть, быть может нам повезет!"» (На полях, против слов Наполеона, рукой Толстого написано: «Сумасшествие». — *И. Г.*). Невозможно себе вообразить, что мож но было услышать подобные слова^{ix}.

Не меньшее удивление вызвали у Мармона слова императо ра, сказанные позднее, после временных успехов, достигнутых корпусом маршала на территории Лотарингии. Он пишет: «На следующий день, 14, я получил приказ идти, преследуя врага, и занять позицию в Бери-о-Бас. Перед тем как двинуться в путь, я провел часть утра с Императором. Он дал мне приказ написать генералу Жансану в Верден о немедленном его возвращении в Реймс и соединении со многими отрядами гарнизонов городов Лотарингии, которые были обучены в течение зимы. Эти отряды прибыли почти вовремя, чтобы следовать за ним по направле нию к Об.

Я не хочу опустить то, что сказал Наполеон в этой обстановке и что доказывает, насколько он стал бесчувственен к народному горю и лишениям. Движения армий, нужды войск и отсутствие дисциплины говорили о разорении стран, которые были театром войны и наших действий в течение двух месяцев. Французские войска причиняли в большей своей части страдания жителям. Я говорил об этом Императору и сочувствовал их судьбе, на что Император ответил мне. Вот его подлинные слова, которые не выходят из моей памяти: «Это огорчает Вас? Но это даже и неплохо! Когда крестьянин разорен и его дом сожжен, для него лучше всего взять ружье и идти сражаться»^x.

Верхний угол страницы загнут Толстым, последние слова Наполеона подчеркнуты в тексте, а напротив них, на полях написа но: «*Это еще хорошо*». Оценивая таким образом ответ Наполеона, писатель очевидно имел в виду более суровые высказывания им ператора и его страшные поступки, когда на карту ставились целые народы и государства в его стремлении к осуществлению честолюбивых надежд.

«Император познакомил меня со своим планом дальнейшего марша против великой армии, - продолжает Мармон, - но для чего эти многочисленные движения, которые теперь ничего не зна чили? Надо было ждать, когда в своем марше армии врагов начнут пробиться, чтобы испытать наши новые усилия на отдельных их частях. Он мне сказал, что хотел после разгрома австрийской армии броситься на укрепленные города, захватить все гарнизоны с собой и маневрировать в тылу врага. В течение этого времени он мне оставлял место перед Парижем и возлагал на меня защиту столицы. Я возразил ему, сказав, что мне кажется более подходящей противо положная роль.

Защита Парижа требовала содействия гражданских властей, которым только он один мог воспользоваться. Его присутствие в Париже и его немедленное воздействие на этот город стоили армии, в то время как я мог только рассчитывать на количество своих солдат. Он должен был шить на себя роль в этот момент защитную и возложить на меня роль наступательную. С тремя тысячами лошадей, шестью пушками, 500 пехоты и упряжи я поехал бы в Верден, в Мец; и в 8—10 дней я организовал бы армию в 30 тысяч человек, с которой должен был бы броситься в тыл врага. Он сказал мне, что хотел бы сам совершить этот поход, но должен маневрировать, находясь ближе к Парижу, чем враг, что в данной обстановке казалось сложным. Произнося эти последние слова, он наклонился над столом, где лежала карта, взял циркуль и сделал на карте четыре или пять движений. Короче, я его покинул, чтобы присоединиться к маршу своих войск»^{xi}.

Именно здесь, как уже упоминалось выше, на полях справа написано рукой Толстого: *«Шахматы никогда не обманут»*.

Описывая дальнейшее состояние французской армии и Наполеона, Мармон говорит, что Император готов был пойти на переговоры с противником, но узнав о том радостном приеме, что был оказан его врагам при вступлении в Париж населением столицы, он изменил свое решение.

«Хотя он и свылся с мыслью о народном недовольстве, он не мог предвидеть прием, который был оказан иностранцам при их вступлении в Париж...

Мир стал для него невозможен, ему надо было продолжать войну любой ценой. Это было необходимо его положению, и он без колебания сообщил мне об этом. Но это решение, основовавшее на отчаянии, спутало его мысли. Приказывая мне перейти Сену и атаковать противника, где я сражался прежде, он забыл о переходе на нашем пути Марны, где были все мосты разрушены. Вообще с этого момента я не переставал поражаться беспорядочности мыслей, заменившей его обычную ясность сознания и мощь разума, свойственную ему всегда»^{xii}.

На полях этого абзаца мы находим запись рукой Толстого: *«Жалок и глуп. Где решимость?»* Слово «ясность» выделено галочкой.

«Таковы были намерения Наполеона, когда он меня покинул, чтобы вернуться в Фонтенебло. Он дал мне несколько подробных приказов для двух батальонов ветеранов, оставшихся со мной, и продолжил свой путь. Это был последний раз в моей жизни, когда я видел и слышал его.

Господа Дени де Дамремон и Фабье рассказали мне об обстановке, царившей в Париже, в проявлении народом чувств восторга и радости. Так национальная гордость и чувство благородного патриотизма, столь свойственное для французов, исчезали перед лицом ненависти, внушаемой Наполеоном. Все хотели конца этой упорной борьбы, начатой два года назад под столь сильным покровительством с последовавшими опустошениями, которым не знала примера история, борьба, возобновленная потом неслыханными усилиями нации, сведенными на нет враждебным миром, состоящим из целой Европы, к которому присоединились даже монархи семьи Наполеона. Это то положение вещей, что сопровождается переходом к неприятелю давно разоренных провинций и полнейшим истощением Франции, что изменило мнения и чувства всех. Все только и видели спасение общества в ниспровержении человека, властолюбие которого привело к огромным бедствиям»^{xiii}.

В этом отрывке подчеркнуты слова: «...чувство благородного патриотизма, столь естественного для французов, исчезало перед лицом ненависти, внушаемой императором...» На полях против этих слов - надпись рукой Толстого; *«Где же была видна эта ненависть до сих пор»*. Слово «ненависть» написано по-французски. Очевидно Толстой хотел подчеркнуть, что автор «Мемуаров» впервые упомянул о чувстве ненависти, питаемой французами к своему бывшему императору, и впервые пытался его объяснить теми страшными народными бедствиями, к которым привели властолюбивые стремления Наполеона.

«В подобной обстановке первым делом было прекратить военные действия, чтобы дать возможность уладить вопрос о наших судьбах, - продолжает Мармон. - Для достижения этой цели необходимо было войти в переговоры с иностранцами. Этот шаг был тяжелый, но необходимый. Разве не изменили сами иностранцы свое поведение и

облик с тех пор, как были приняты, если можно так сказать, большинством жителей столицы, сенатом, все ми влиятельными лицами, и когда при их поддержке проявило себя сильное и всеобщее мнение? Сегодня плохо помнят об этом необычном времени, столь удаленном по чувству. Его забывают во Франции, быстро отвергаются его принципы, его слова и действия. Факты — упрямая вещь, и беспристрастная история, написанная по прошествии времени и вне влияния партий, сохранит правду. И эта правда — вот она: тогдашнее мнение рассматривало Наполеона как единственное препятствие к возрождению страны. Я уже говорил это: его военные силы, сведенные на нет, не могли больше восстановиться. Регулярный набор рекрутов стал невозможен. В момент, когда пал Париж, все распалось на части...

В это время, а точнее, 4 апреля Наполеон уступил энергичным требованиям своих двух главнокомандующих... Понимая невозможность продолжать борьбу, он отрекся от престола в пользу своего сына и назвал своими полномочными представителями принца Московского, герцога Тарантского и герцога Висанского»^{xiv}.

Словно завершением рассказа Мармона о падении империи и об отречении Наполеона от трона звучат слова Толстого, записанные на полях страницы всего предыдущего абзаца: **«Ежели бы он продолжал драться, он бы остался в истории — теперь забыт».**

Замечания Толстого показывают, как писатель в процессе работы находил в «Мемуарах» подтверждение своей мысли, которую он выразил в романе, что уверенность Наполеона в своей силе, признание за собой способности изменять и направлять ход событий в соединении с игрою самых дурных страстей: самолюбия, тщеславия, жестокости привели императора не только к ошибкам, но и к потере всего человеческого. ...И никогда, до конца жизни своей, — читаем мы в романе, — не мог понимать он ни добра, ни красоты, ни истины, ни значения своих поступков, которые были слишком противоположны добру и правде, слишком далеки от всего человеческого, для того чтобы он мог понять мать их» (11. 258).

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Толстой Л. Н. После собр. соч. В 90 т. М.; Л., 1928-1958. Здесь и далее том и страница этого издания обозначаются в круглых скобках.

ⁱⁱ Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Кн. 2: 60-е годы. Л.; М., 1931. С. 268-27.

ⁱⁱⁱ Mémoires du marechal Marmont duc de Raguse de 1792 a 1841: Imprimés sur le manuscrit original de l'auteur. P., 1857. Т. I. P. 182—183.

^{iv} Маршал Мармон. Сущность военных учреждений. / Пер. с фр. штабс-ротмистра А. Циммерман. СПб., 1848. С. 14.

^v Mémoires du marechal Marmont... Т. VI. P. 139.

^{vi} Там же. Т. V. P. 70.

^{vii} Там же. P. 84-85.

^{viii} Там же. Т. VI. P. 2, 5-6.

^{ix} Там же. P. 14-15.

^x Там же. P. 138.

^{xi} Там же. P. 138-139.

^{xii} Там же. P. 159.

^{xiii} Там же. P. 162-163.

^{xiv} Там же. P. 162-163.